СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ АФГАНСКИХ ПЛЕМЕН ИНДИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Л. Гордон

Населённые афганскими племенами Сулеймановы горы с их проходами и перевалами, связывающими Индию с Ираном, Афганистаном и Средней Азией, представляют один из важнейших участков индийской границы.

В Индии проживает 5—5½ млн. афганцев [1]. Они составляют большинство населения Северо-Западной пограничной провинции и около 27% населения Белуджистана. Северо-Западная пограничная провинция делится на административные округа и территорию пограничных афганских племён и княжеств, которая тянется широкой полосой между административной и индо-афганской границей [2]. Из патанских [3] ханств, расположенных за административной границей, самыми крупными являются Дир (бассейн р. Пянджкоры) и Сват (бассейн р. Свата), населённые различными подразделениями афганского племени юсуфзаев. На юго-запад от Дира тянется полоса племён: район Баджаура, на территории которого расположен ряд мелких княжеств, заселяют юсуфзаи и горные моманды; узкую долину между р. Кабул и Хайберским проходом — племя муллагори; горный район Тираха и Хайберского прохода — афридии и оракзаи; район верхнего течения р. Курама — племя тури и, наконец, район Вазиристана, гористую местность к юго-западу от Курама, орошённую реками Точи и Гомалом,— вазиры. Вазиры — одно из крупнейших племён пограничной полосы [4].

В административных округах [5] деление афганцев на племена и родовые подразделения — хели — носит формальный характер, по существу их давно уже сменили чисто территориальные деления и классовые категории (капиталисты, помещики, крестьяне, сельскохозяйственные рабочие и т. д.) [6].

---

[1] Несколько больше, чем в самом Афганистане, где афганцы составляют около половины всего населения (4½ — 5 млн. чел.).

[2] Афганцы составляют подавляющее большинство населения горной области пограничных племён и княжеств. В административной зоне афганцы составляют большинство населения в областях Пешавера, Мардана, Кохата и Банну. Административные округа указаны в работе согласно английскому административному делению Индии, которое до сих пор сохраняется правительством Пакистана.

[3] Афганец и патан — два различных наименования одной и той же народности. Сами афганцы называют себя патанами или пухтунами, пуштунами.

[4] Точных данных о численности афганских племён нет. Согласно английским послевоенным статистическим справочникам, которыми можно пользоваться лишь с большими оговорками, численность вазиров колеблется в пределах 500 тыс. человек.

[5] Административные округа подчинялись непосредственно английскому губернатору, и их жители считались подданными Британской империи. Племенная зона, лежащая за административной границей, непосредственно английскому губернатору не подчинялась, управлялась через посредство английских агентов при помощи системы фортов и военных укреплений. Формально жители племенной зоны выступали как британские подданные только во внешних сношениях с иностранными государствами, в самой Индии они не считались британскими подданными. Жители племенной зоны не платили регулярных налогов англо-индийскому правительству. На них равным образом не распространялось действие английских законов.

[6] Формально патаны административных районов до сих пор подразделяются на следующие племена: мухаммедзаи (левобережье р. Свата, округ Мардан), юсуфзаи,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

С середины XVIII в. (с момента образования государства Ахмед-шаха) большая часть пограничных афганских земель Северной Индии была включена в состав Афганистана. В первой половине XIX в. шла постоянная борьба между афганскими эмирами и сикхскими правителями за обладание пограничными патанскими землями. Рассматривая Пенджаб как свою будущую добычу, англичане стремились руками сикхов завоевать пограничных патанов и фактически всячески поощряли агрессию сикхских махараджей на этом участке индийской границы.

Завоевание Пенджаба (1849) отдало в руки англичан принадлежавшие сикхам равнинные земли патанов Северной Индии. Завоевав Пенджаб и выйдя к северо-западным границам Индии, английские империалисты стремились укрепиться на этом важном в политическом и стратегическом отношении рубеже. После упорной и ожесточённой борьбы с афганскими племенами, отстаивавшими свою свободу и независимость, и с правителями Кабула, стремившимися объединить их под своей властью, англичанам удалось добиться включения полосы племён в состав своих индийских владений. Согласно заключённому с Абдуррахман-ханом договору (1893), известному под названием договора Дюранда, независимые племена пограничной полосы и жители пограничных ханств были признаны подданными англо-индийского правительства.

Но англичанам никогда не удавалось полностью подчинить патанов области пограничных племён, которые отстаивали и продолжают отстаивать свою свободу и независимость с оружием в руках. В настоящее время, несмотря на то, что пограничные патанские земли Северной Индии входят в Пакистан, англичане продолжают бороться за сохранение в своих руках важных стратегических позиций на этом участке индийской границы. Распространить своё влияние на области патанских племён пытаются также империалистические политики США, играя на противоречиях между патанами, афганским правительством, Пакистаном и Англией.

Национально-освободительное движение пограничных афганцев в настоящее время представляет крупный очаг национально-освободительной борьбы народов Индии. Национально-освободительное движение афганцев Индии объединяет несколько потоков и многообразно по форме.

Самый боевой и организованный характер всегда носила борьба афридиев и вазиров за свою свободу и независимость. Но в силу особенностей социально-экономического и общественного развития этих пограничных племён их борьба выступала в более отсталой форме, чем антиимпериалистическое и антифеодальное движение в патанских административных округах. Она до сих пор представляет самостоятельную струю в национально-освободительной борьбе афганцев Индии. Более того, в отдельных случаях англо-индийскому правительству и правительству Афганистана удавалось использовать движение вазиров в своих реакционных целях.

Изучение социально-экономического и общественного развития вазиров представляет большой научный и политический интерес, ибо только раскрытие особенностей этого развития даёт нам возможность разобраться в сложном характере движения афганских племён. Специфика социально-экономического строя вазиров конца XIX в. наложила известный отпечаток на национально-освободительное движение афганцев в целом и во многом объясняет нам особенности этого движения в настоящее время.

Научный интерес изучения племени вазиров объясняется также тем, что на примере этого племени мы можем исследовать позднее разложение общинно-родового строя, которое происходит одновременно со складыванием феодальных и проникновением капиталистических отношений.

моманды долины, утманхели, халилы и даудзаи (Пешаверская и прилегающие к ней долины Пешаверского округа и округа Мардан), хаттаки (долина Кохата, Пешаверский и Кохатский округа), баннучи, ниази и марваты (район Дераджат, долины нижнего Курама и его притоков, округ Банну).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Основной особенностью процесса разложения общинно-родового строя вазиров являлось то, что этот строй не был самостоятельной формацией и, оставаясь укладом в составе окружавшего его феодального общества, он всё более стал испытывать на себе возраставшее влияние капиталистических отношений.

★

Сведения о социально-экономическом строе афганцев Индии очень скупы и отрывочны. Данные английских официальных справочников (газеттиров), переписей и статистических справочников относятся почти исключительно к афганцам административных округов. Тенденциозность изложения, произвол в подборе фактов, отсутствие единой научной терминологии и какой бы то ни было системы в составлении этих справочников во многом снижают их ценность.

Ценнейшим источником для изучения патанских племён Афганистана и Индии является работа второй половины XIX в. «Хаят-и-Афган» [7], содержащая подробные сведения по истории, этнографии, социально-экономическому и политическому строю афганцев. Автор этой работы Мухаммед Хаят-хан, по происхождению патан, чиновник на английской службе, вначале был михмандаром [8] округа Банну по приёму вождей и депутаций пограничных племён, а затем был назначен помощником управляющего района Точи [9]. Он участвовал в подавлении восстания мухаммед-хеля вазиров в 1872 г., за что получил должность помощника управляющего округа Банну [10] — «честь, которой,— по словам Торборна,— до него не был удостоен ни один туземец провинции» [11].

Сведения относительно афганских племён конца XIX в. даны автором главным образом на основании его собственных наблюдений. В распоряжении автора находились также письменные источники по истории отдельных племён.

«Хаят-и-Афган» написан на языке урду, что объясняется насаждением англичанами в афганских землях Северо-Западной Индии урду как языка канцелярии гражданских и военных ведомств. В текст широко вводится терминология различных диалектов языка пушту и персидского языка.

Полного перевода «Хаят-и-Афган» на какой-нибудь европейский язык не существует. Работа Пристли «Afghanistan and its inhabitants» представляет сильно сокращённый и весьма неточный перевод «Hayat-i-Afghan» of Muhammad Hayat Khan. Lahore. 1874.

В основу нашего исследования положены данные этого источника, взятого в подлиннике. Привлечены также материалы английских официальных справочников и сведения путешественников. Для характеристики социального строя вазиров конца XIX в. использована работа Лоримера [12].

★

Племя вазиров делилось на три большие ветви: ахмедзаев, утманзаев (известных также под общим названием дарвеш-хеля) и масудов [13].

[7] Мухаммед Хаят-хан. Хаят-и-Афган (на языке урду).
Все цитаты в работе даны по подлиннику на языке урду.

[8] Михмандар—буквально «человек, принимающий гостей». В Афганистане и Индии михмандар — это чиновник, назначенный правительством для приёма и сопровождения иностранных гостей и дипломатических представителей. В административных округах Северо-Западной пограничной провинции назначались специальные чиновники (михмандары) для приёма депутаций племён, живущих за административной границей.

[9] Помощник управляющего районом (тахсилем) называется «наиб-тахсилдар».

[10] S. Thorborn. Bannu; or our Afghan fronteer, p. 92. London. 1876. Помощник управляющего округом — «Assistant Commissioner».

[11] Там же.

[12] J. Lorimer. Grammar and vocabulary of Waziri Pashto. Calcutta. 1902.

[13] Согласно афганским преданиям, афганцы ведут своё происхождение от мифического Афгана. По родословному древу афганцев, вазиры относятся к керларнийской группе афганских племён.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Эти три ветви вазиров, в свою очередь, делились на ряд мелких подразделений, или хелей [14].

Первоначальной родиной вазиров была гора Бирмаль на южном скате Сулеймановa хребта. В конце XIV в. вазиры двинулись к востоку, заняли плато Шаваль (вытеснив отсюда хаттаков) и земли к северу от Точи. Постепенно они завладели горной областью в районе Шухдара и равнинами вплоть до р. Гомала, вытесняя бангашей, бхитани и отдельные группы дауров. Во второй половине XVIII в. бакка-хель захватили пастбища долины Мири, ахмедзаи завладели левым побережьем р. Курами, вытесняя хаттаков и марватов. В XIX в. вазиры продолжали систематическое завоевание земель округа Банну, оттесняя баннучей, хаттаков и марватов, а в отдельных случаях оставляя землю в руках её прежних владельцев на правах хамсайя [15].

Вазиры-завоеватели столкнулись с английскими захватчиками, вышедшими в 1849 г. на афганскую границу, распространяя свою власть на племена оседлых районов. Англичане преградили вазирам путь к новым пастбищам, остановили их продвижение вперёд и стремились отбросить их назад, что было одной из причин, обусловивших силу освободительной, антианглийской борьбы вазиров.

Преграждение вазирам пути к завоеванию и освоению новых земель имело и другое последствие: занимая командующее положение на одной из важнейших дорог, связывавших Индию с Афганистаном (Гомалский проход), вазиры стали совершать регулярные набеги на равнины и грабежи на больших дорогах из Афганистана в Индию.

В настоящее время утманзаи заселяют горы Шавваль, долину р. Точи и побережье рек Кайсоры, Канту и Курама. Основная часть ахмедзаев живёт вокруг Вано, в Шакаи и у западной границы округа Банну. Масуды живут в самом центре Вазиристана, их главные поселения — Макин и Канингурам; небольшое поселение масудов имеется также у Ландихеля.

«Различные формы отношения членов общины или племени к земле племени (к земле, на которой оно обосновалось),— писал Маркс,— зависят частью от природных задатков племени, частью же от тех экономических условий, при которых племя уже действительно относится к земле, как к своей собственности, т. е. присваивает плоды земли трудом; последнее, в свою очередь, само будет зависеть от климата, физического состава почвы, физически обусловленного способа её эксплуатации, от отношения к враждебным или соседним племенам и от изменений, которые влекут за собой переселения, исторические события и т. д.» [16].

Раздел земли у вазиров обусловливался уровнем их развития, тем, что они были скотоводами-кочевниками и им приходилось отвоёвывать новые земли у других племён. При этих условиях, несомненно, должно было приниматься во внимание соотношение сил ополчений, выставлявшихся при завоевании той или иной местности отдельными хелями.

Вначале земли были поделены поровну. Земли около горы Бирмаль, родины вазиров, были поделены на три равные доли между тремя ветвями вазиров. Масуды первые покинули гору Бирмаль и поселились на вновь завоёванных ими землях в районе Вазиристана. Долю земли, при-

[14] «Хель» — термин полисемантический. Хелем называется крупное подразделение племени и даже племя, равно как и более мелкие подразделения вплоть до рода. Для крупных подразделений афганские и персидские источники дают также термин «шах»— ветвь.

[15] «Хамсайя» — термин полисемантический, персидского происхождения. Переводится, как «человек, живущий под той же тенью»,— сосед — или как «человек, живущий под тенью другого» (по типу «хамрах», «хамрекаб»), т. е. зависимый от другого лица. Второй перевод больше соответствует социальному значению этого термина.

[16] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 18. Огиз. Госполитиздат. 1940.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ходившуюся им по наследству, они потеряли, и она была поделена поровну между ахмедзаями и утманзаями.

Завоёванные земли стали делиться между отдельными ветвями и хелями вазиров по военным заслугам, не на равные доли и не по едокам (как была впервые поделена земля у юсуфзаев), а на основании туга [17]. Распределение земли по тугу,— буквально, распределение земли по боевым знамёнам. Термин «туг» означает распределение земли согласно расходам, понесённым каждым хелем при её завоевании. Каждый хель получал при разделе земли долю, соответствовавшую числу выставленных им воинов и расходам, понесённым им при завоевании [18]. Более могущественный хель, выставивший в племенное ополчение больше воинов, получал и больше земли. Происходило деление на богатые и сильные хели и хели, экономически более слабые [19].

Внутри хеля земля делилась на равные доли — дадди. Каждый воин получал одну дадди. Когда вырастали дети, земля между ними делилась на новые мелкие дадди. Таким образом, земельные наделы вазиров оказывались разной величины: у многодетных семей они были меньше, чем у тех, кто не имел детей.

Раздел земли между отдельными членами хеля по генеалогическому древу свидетельствовал о начале перехода вазиров от кочевого скотоводства к земледелию, об оседании вазиров на землю. Уровень развития вазиров XIX в. не допускал ещё деления пастбищ на индивидуальные наделы. У нас нет сведений о периодическом переделе земли у вазиров. Это объясняется тем, что во второй половине XIX в. земледелие в хозяйственной жизни вазиров играло ещё сравнительно незначительную роль. «Некоторые хели вазиров совершенно не имеют обрабатываемой земли»,— отмечал Лоример уже в 80-х годах XIX века [20]. Встречавшийся у вазиров второй половины XIX в. термин «веш» означал лишь обмен земли между отдельными хелями после её завоевания и последующий раздел её между членами хеля [21].

Следовательно, у вазиров мы наблюдаем отношение к земле как к своей, через посредство коллектива, и в то же время единоличное владение землёй отдельного лица — воина, причём служба в племенном ополчении, являвшаяся непременным условием для получения вазиром определённого надела земли, носила и добровольный, и принудительный характер. «Чтобы община как таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство её членов происходило при заранее установленных объективных условиях» [22].

Сочетание распределения земли между хелями по тугу с распределением внутри хеля по генеалогическому принципу способствовало неравномерному распределению земельной собственности. В то же время рост имущественного неравенства и процесс разложения старого хозяй-

---

[17] Термин «туг» монгольского происхождения, в переводе он означает знамя, стяг.

[18] При завоевании ополчения ахмедзаев и утманзаев выступали совместно, причём обе ветви выставляли равное число воинов, поэтому завоёванная ими земля делилась между ними на две равные части. Каждая же часть делилась, на основании туга, следующим образом: у утманзаев одну долю получал вали-хель, другую — ибрагим-хель, третью — мамид-хель; у ахмедзаев, жителей гор, каждый хель также получал по одной доле; у жителей долин подразделение спиркаи получало две доли, хотя включало три больших хеля; хатхи-хель получал две доли, хотя включал четыре больших хеля; бизаи-хель — одну долю, паинда-хель вместе с будни-хелем — три доли, а муза (амарза)-хель — одну долю. См. «Хаят-и-Афган», стр. 365.

[19] Там же, стр. 365.

[20] J. Lorimer. Указ. соч., стр. 321.

[21] У афганцев термин «веш» означает обмен земли и периодический передел земли; у юсуфзаев мы встречаем «веш-бадлюм» — обменный веш; у марватов — «хулавеш» — периодический передел обрабатываемой земли по едокам. См. «Хаят-и-Афган», стр. 365.

[22] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 18.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ственного уклада вели к разорению свободных вазиров. Отсюда возраставшее для них значение войн и завоеваний. Нельзя, однако, забывать, что право каждого воина на получение наследственной доли — дадди — и непрекращавшиеся вплоть до последней четверти XIX в. завоевания вели к воспроизводству прежних отношений. «Цель всех этих коллективов,— писал Маркс об общинно-племенной организации,— сохранение, т. е. воспроизводство образующих коллектив индивидов как собственников, т. е. воспроизводство их в том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения одних членов к другим и в силу этого образует самую общину. Но это воспроизводство является в то же самое время по необходимости производством заново старой формы и разрушением её» [23].

Главным занятием вазиров являлось скотоводство. Пастбища находились в коллективном владении. В долинах рек, где имелась годная для обработки земля, они уже в конце XIX в. занимались также и земледелием. Соединение скотоводства и земледелия в рамках одного хеля было характерно для большинства вазирских подразделений.

В горах имелись залежи железной руды, и вазиры были искусными ремесленниками, особенно масуды. Оружие и различные орудия из обрабатывавшегося примитивными способами железа шли не только для нужд племени, но и на продажу. Вазиры выделывали также различные ткани. Домашнее ремесло играло очень большую роль в их хозяйственной жизни.

В то время как у других афганских племён ремесленниками были обычно чужаки (хиндки), у вазиров те немногие индусы, которые жили среди них, обычно держали лавочки и занимались торговлей [24], ремеслом же в большинстве случаев занимались сами вазиры. Широкое участие в домашнем ремесле принимали также и женщины.

Соединение в рамках одного племени ремесла и земледелия в значительной степени объясняло устойчивость родоплеменных отношений у вазиров. Говоря о первобытно-общинной формации, Маркс указывал: «Всего упорнее и всего дольше неизбежно держится азиатская форма. Это заложено в её предпосылке: в том, что отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине, что объём производства рассчитан только на обеспечение собственного существования, что земледелие и ремесло связаны воедино и т. д.» [25].

Ещё в конце XIX в. Лоример отмечал пагубное влияние Пешавера и других городов административных округов на вазирские ремёсла. В дальнейшем же проникновение английских империалистов в область пограничных племён, особенно после 1921 г., после постройки железных и шоссейных дорог, соединивших Вазиристан с административными округами Северо-Западной пограничной провинции, вызвало массовое разорение вазирских ремесленников, что, в свою очередь, подрывало одну из основ общественного строя этого племени. Со второй половины XIX в. у вазиров дарвеш-хеля довольно значительную роль начинают играть отхожие промыслы. Многие вазиры торговали солью и топливом как в племенной зоне, так и за её пределами [26].

Классовое расслоение внутри вазирских хелей, населявших долину р. Точи, в округе Банну, зашло значительно дальше, чем у вазиров

[23] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 27.
[24] См. Perrin. Description de l'Afghanistan, стр. 268—269. Paris. 1842.
[25] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 18.
[26] «Gazetteer of the Bannu District 1883—1884», p. 67.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

остальной части Вазиристана. «Вазиры округа Банну быстро перестают быть вазирами» [27], — отмечал Лоример.

Со второй половины XIX в. сравнительно большое количество вазирских хелей оседало на землю в округе Банну. Отдельные малики получали от англо-индийского правительства за свои услуги земельные пожалования в административных округах. Утрата возможности дальнейших завоеваний углубляла имущественное неравенство внутри хеля и между хелями.

Особенно чувствительно было пагубное влияние английской пограничной политики и городов в административных округах, о чём писал Лоример и что должны были признать другие английские путешественники и политические деятели.

Об известном расслоении внутри племени свидетельствовало появление у вазиров заимодавцев и ростовщиков из числа их соплеменников. На это указывает Мухаммед Хаят-хан в главе о денежном долге [28]. Его свидетельство тем более интересно, что у большинства афганских племён ростовщики были из числа чужаков (хиндки). Здесь же мы имеем «своего» заимодавца — вазира.

Практика вазиров фиксирует также уже и залог земли и сдачу земли в аренду. «Хаят-и-Афган» не даёт нам термина для свободного вазира-арендатора, однако он сообщает, что обычному праву вазиров приходилось сталкиваться с такими случаями, когда вазир брал у своего соплеменника землю в долг на определённый срок. В разряд арендаторов переходили разорившиеся свободные вазиры оседлых районов.

Но была и другая группа арендаторов. Согласно закону вазиров, если какой-нибудь вазир, одолживший своему соплеменнику землю, не мог добиться от него возвращения её назад, то, по выражению нашего источника, он становится хамсайя какого-нибудь могущественного человека или хеля, с помощью которого мстит обидчику. Вряд ли в данном случае имеется в виду обедневший член хеля, арендующий землю у своего зажиточного соседа. Трудно предположить, чтобы у последнего не было сил самому наказать неаккуратного арендатора или заставить его вернуть землю в случае неисполнения условий аренды. Вероятнее всего здесь нашли отражение отношения, складывавшиеся между богатым вазиром, арендовавшим за бесценок землю у своего малоземельного соплеменника, и последним, который сам на своём участке земли не мог прокормиться и вынужден был идти на приработки. Очевидно, закон имел в виду случаи, когда по истечении срока аренды богатый вазир, пользуясь правом сильного, отказывался вернуть землю своему соплеменнику и у того не оставалось другого исхода, как обратиться за помощью к какому-нибудь другому могущественному человеку или хелю [29].

«Газеттир Банну» сообщает, что в руках отдельных вазиров, членов хелей полосы независимых племён, владельцев больших стад, сосредоточивались крупные земельные богатства, причём они приарендовывали землю у вазиров оседлых районов. Со своих арендаторов вазиры Банну собирали от одной пятой до четверти урожая [30].

Во второй половине XIX в. у вазиров долин и административных округов стали учащаться случаи залога земли и её отчуждения за долги. Мухаммед Хаят-хан писал, что если вначале было очень мало споров о земле, то за последнее время (во второй половине XIX в.) они участились, и для их разрешения у вазиров выработалась специальная практика, ставшая законом. Если кредитор по закладной заявлял, что земля какого-либо вазира должна перейти к нему за долги, то он должен был представить свидетеля в доказательство своих прав на землю и залог;

[27] J. Lorimer. Указ. соч., стр. 318.
[28] См. «Хаят-и-Афган», стр. 367.
[29] Там же, стр. 362
[30] «Gazetteer of Bannu District 1883—1884», p. 89—90. Punjab Government.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

в противном случае в защиту своих прав должнику достаточно было либо представить свидетеля либо поклясться на коране. После того как должник произносил такую клятву: «Спорная земля — моя наследственная земля, о требованиях на права земельной собственности и о залоге я не знаю, и мой отец мне об этом перед смертью не говорил»,— требование кредитора по закладной считалось незаконным [31]. Заложивший землю оказывался, следовательно, в несколько более выгодных условиях, чем кредитор по закладной, поскольку последний должен был обязательно представить для подтверждения своих прав доказательства и свидетеля, тогда как должнику достаточно было при отсутствии свидетеля поклясться на коране.

Характерно, что термин «муртахан» [32] — залог — арабского происхождения. Своего, местного термина у вазиров не было.

Таким образом, во второй половине XIX в. обычное право вазиров защищало ещё земельную собственность общинников, в том числе и рядовых. Оно стремилось удержать рядовых членов племени в составе племени, препятствовать их разорению и уходу в хамсайя в другой хель или на приработки в Индию, чтобы сохранить племя и хель как военную единицу. «Но, — как указывал Энгельс, говоря о переходе различных племён и народностей от первобытно-общинного строя к классовому обществу, — новая общественная сила существовала, и благочестивые пожелания, страстное желание вернуть доброе старое время были не в состоянии сжить со света ни денег, ни ростовщичества» [33].

В оседлых округах случаи спора относительно заложенной земли были у вазиров столь многочисленны, что ещё сикхи установили правило, по которому налог с этой земли должны были платить обе спорящие стороны [34], причём предусматриваемые обычным правом вазиров ограничения кредитора по закладной не могли иметь большого значения в этих округах, поскольку имущественное и классовое расслоение здесь было значительно сильнее, чем в самом Вазиристане, а богатому и сильному нетрудно было найти свидетеля и представить доказательства.

Сдача земли в аренду, намечавшаяся тенденция сильных и богатых силой завладеть участком своего соплеменника, сосредоточить в своих руках как можно больше земельных богатств, отчуждение земли вследствие неуплаты в срок по закладной, передача земли не только другому лицу, но и в другой хель — все эти факты, фиксируемые нашим источником, относятся главным образом к вазирам административных округов Северо-Западной пограничной провинции. У вазиров же пограничной полосы, хотя и имелись предпосылки для складывания классового общества, имущественное расслоение было значительно меньше, сохранялись родоплеменные отношения, происходило воспроизводство общинно-родового строя, что отражалось на общественной организации вазиров. У вазиров пограничной полосы вплоть до настоящего времени мы можем наблюдать известный демократизм общественного строя, сохранение ряда форм первобытно-общинной организации, сравнительное единство, сплочённость и необыкновенную боеспособность.

Нужды войны наложили свой отпечаток на весь общественный строй вазиров. Вазиры были воинами и как таковые получали землю в соответствии со своими воинскими заслугами; как воины они не платили за неё никаких налогов.

Многочисленные попытки англичан обложить налогом поля и пастбища вазиров пограничной полосы потерпели неудачу. Фактически

[31] «Хаят-и-Афган», стр. 367.

[32] Термин «муртахан» происходит от арабского глагола «рахана», что значит «закладывать».

[33] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 116. Госполитиздат. 1949.

[34] См. «Gazetteer of Bannu District 1883—1884», p. 172.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

англо-индийскому правительству так и не удалось наладить систематический сбор налогов с племён, живущих за административной границей. Регулярный поземельный налог и налог с пастбищ — тирни [35] — англичане собирали после образования Северо-Западной пограничной провинции только в агентствах Точи и Курама. Во всех договорах, заключённых англичанами с вазирами пограничной полосы (включая договор 1937 г.), обязательно указывалось, что вазиры не будут платить англо-индийскому правительству регулярных налогов

★

Общественная организация вазиров была организацией военной. Для руководства военными операциями вазиров советом глав отдельных хелей (джиргой маликов) назначался стыр-эмир (старший эмир). Под его командованием находилось несколько отрядов вазиров — цальвешт. Во главе каждого цальвешта стоял кам-эмир (младший эмир). Число цальвештов и численность каждого из них менялись в зависимости от характера военных операций [36]. Каждый вазир считался членом ополчения племени — лашкара — и мог в любую минуту быть отправлен по решению своего хеля или всего племени для активного участия в военных операциях вазиров. Ополчение вазиров было организовано по хелям на родоплеменной основе, но участие каждого вазира в ополчении носило добровольно-принудительный характер.

У утманзаев и ахмедзаев было общее ополчение и один стыр-эмир. Племя масудов организационно не было связано с остальными вазирами.

На ответственности старшего эмира лежала защита земель вазиров, созыв ополчения и контроль за тем, чтобы каждый вазир являлся для участия в военных операциях. «В случае, если какой-нибудь человек не явится во-время, просто отказавшись или проявив упорное неповиновение, то старший эмир должен послать отряд (цальвешт. — *Л. Г.*) под командованием младшего эмира» [37]. Отряд этот, согласно нашему источнику, обладал большими полномочиями. Виновный обязан был исполнять все приказания младшего эмира, немедленно явиться с отрядом в ополчение, а за свою несвоевременную явку заколоть и отдать цальвештийцам двух баранов в виде штрафа. «Если он не заплатит штрафа и откажется итти в ополчение, то отряд вправе разграбить и сжечь его дом. Если во время этого грабежа владелец дома будет оказывать сопротивление, он может быть убит — и во всех этих делах этому отряду, в соответствии с законом вазиров, не может быть предъявлено обвинение в преступлении» [38].

Таким образом, в распоряжении старшего эмира имелся уже известный аппарат принуждения.

Для грабительских набегов на торговые караваны и соседние земли у вазиров была специальная организация. Старшие и младшие эмиры и находившиеся под их командованием цальвешты, как правило, не занимались организацией грабительских экспедиций. Только в случае очень крупных военных операций, затрагивавших несколько хелей, операций, для которых созывалось ополчение вазиров, военными действиями руководили эмиры. Ополчением — лашкар — у вазиров назывался отряд пеших и конных численностью свыше двухсот человек. Для небольших набегов формировались маленькие группки до 10 человек — голь, груп-

[35] «Тирни» — термин афганский, обозначает налог со скота. Объяснение его дано Этчисоном. Aitchison. Treaty engagement and sanads. Vol. XI. Delhi. 1933.

[36] «Хаят-и-Афган», стр. 373. «Джирга» — местный афганский термин, буквальный перевод — круг. Джиргой у патанов называют совет членов племени или депутацию членов племени.

[37] «Хаят-и-Афган», стр. 373.

[38] Там же.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

пы побольше, до ста человек, назывались «гадди» (буквально: группы для ночных набегов). Отряд свыше ста человек назывался «тирак» (шайка грабителей). Если в тирак были включены всадники, то он назывался «тахт» (отряд для нападения). Во главе гадди и тираков стояли начальники — саргуны (или сархана).

При разделе украденного имущества и военной добычи эмиры и саргуны получали несколько лишних долей. Между остальными членами хелей, участвовавших в военных операциях, имущество делилось по характеру воинских обязанностей и роду оружия. Лучше вооружённый человек получал лишнюю долю [39]. Саргуны организовывали также распродажу краденого имущества. Торговцы поддерживали с саргунами постоянную связь. «Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчинённых начальников» [40].

Власть саргунов и эмиров ещё не стала наследственной, подчас она не была даже пожизненной. Саргуны назначались и смещались собранием всего хеля — ахле-джирга; эмиры — собранием маликов всех хелей, входивших в данную ветвь вазиров,— джирга-и-маликан. Однако распределение украденного имущества и торговые сделки со скупщиками краденого способствовали концентрации богатства в одних руках. Лишившись своего поста, саргуны и эмиры благодаря своему богатству продолжали оставаться влиятельными членами хелей.

Вазирские хели селились обычно отдельными деревнями, хотя иногда в одной деревне было несколько мелких хелей. Во главе хелей и деревень стояли малики. Малики были вождями мирного времени. Положение маликов в вазирских хелях напоминало положение сахемов у ирокезов и старейшин у германцев. «Власть сахема внутри рода была отеческая, чисто морального порядка; средствами принуждения он не располагал» [41],— писал Энгельс об ирокезах. То же можно сказать и о вазирских маликах.

«За исключением хлеба никаких доходов малик не получал... Если малик является гостем, то для него часто закалывают овцу» [42]. Хлеб и другие дары, повидимому, означали не что иное, как добровольные приношения, которые повсеместно получали старейшины родов на известной ступени развития родового строя. «Старейшины ещё резко отличаются от военных вождей (duces), совсем как у ирокезов,— писал Энгельс о германцах.— Первые живут уже отчасти за счёт почётных приношений скотом, хлебом и пр. от членов племени» [43]. Именно о таких приношениях маликам и идёт, повидимому, речь в нашем источнике.

Отсутствие регулярных доходов у маликов ослабляло, конечно, их экономические позиции. Однако переоценивать этого факта не следует. Уже сами добровольные приношения, как указывал Энгельс, являлись средством усиления власти родовых старейшин и, следовательно, способствовали укреплению положения маликов. Кроме того вазирские малики выбирались большей частью из наиболее зажиточных вазиров.

При перечислении качеств, которыми должен был обладать человек, избираемый маликом, Мухаммед Хаят-хан наряду с честностью, ораторскими способностями и умом приводит щедрость и гостеприим-

[39] Раздел украденного имущества происходил, согласно правилам «никкат-и-таксим» (буквально: раздел добычи), являвшимся составной частью обычного права вазиров. В дальнейшем (конец XIX — начало XX в.) вазиры стремились распространить принципы «никкат-и-таксим» на раздел получаемых от англичан пожалований (см. договоры вазиров с англо-индийским правительством). Aitchison. Указ. соч., стр. 613.

[40] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 170.

[41] Там же, стр. 87.

[42] «Хаят-и-Афган», стр. 369.

[43] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 148.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ство. Малик, как подчёркивает наш источник, должен был устраивать регулярные угощения для своих односельчан. Но чтобы быть гостеприимным, чтобы устраивать угощения, нужно располагать определёнными средствами. Следовательно, наличие известного достатка являлось непременным условием для избрания того или иного члена хеля маликом. В каждом хеле имелось несколько зажиточных семей, которые назывались «наследственными семьями». Однако маликом мог быть избран любой член хеля. Должность малика не передавалась по наследству.

«У вазиров при выборе на пост малика нет никаких наследственных прав и привилегий,— указывает Мухаммед Хаят-хан.— Хотя наследственные семьи также играют некоторую роль, но в действительности ни у одного человека нет никаких ограничений, которые не дали бы ему права получить имя малика» [44]. Если на какого-нибудь человека падает выбор, то, по сведениям нашего источника, «его ставят во главе своей ветви под именем малика, а представитель семьи наследственных маликов, который не обладает равными способностями, становится его подчинённым» [45].

Таким образом, и здесь мы имеем отпечаток двойственности и противоречивости, который характерен для всего социально-экономического и политического строя вазиров. С одной стороны, предпосылки к складыванию классового общества, известное имущественное расслоение внутри хеля, подрывавшее основы родоплеменных отношений, вели к появлению определённой прослойки зажиточных «наследственных семей», из которых обычно избирались малики; с другой стороны, воспроизводство общинно-родового строя у вазиров, демократизм их организации вели к тому, что закрепление наследственных прав за отдельными семьями не было окончательно признано, и практика вазиров специально предусматривала возможность избрания маликом любого члена хеля.

Вся полнота власти в хеле была сосредоточена в руках общего собрания всего мужского населения хеля или деревни — народной джирги (ахле-джирга). Все решения принимались джиргой, и на джирге малик решающего голоса не имел. «Даже в народной джирге,— пишет Мухаммед Хаят-хан,— без согласия большинства членов джирги никаких исключительных прав у малика нет» [46].

К этому заявлению Мухаммед Хаят-хана следует отнестись очень осторожно, так как им же приведённые данные свидетельствуют, что малики вазиров обладали также и известными правами.

Прежде всего малику принадлежало право созыва народной джирги, а в отдельных случаях и джирги посредников. В судебной практике вазиров за маликом в ряде вопросов оставалось решающее слово. В том случае, когда при оплате цены крови, по согласию обеих спорящих сторон деньги заменялись товаром, малики устанавливали, какие товары и по какой цене должны быть переданы в счёт уплаты цены крови. Малики и ахунды решали также все спорные случаи раздела наследства. Наконец, малики выступали как полноправные правители в отношении полузависимых групп населения — хамсайя.

«Основное условие собственности, покоящейся на племенном строе (к которому коллективное устройство первоначально и сводится),— быть членом племени, — делает завоёванное, покорённое племенем чужое племя лишённым собственности... Рабство и крепостная зависимость являются поэтому лишь дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе» [47].

При завоевании новых земель, как уже указывалось, вазиры часто

---

[44] «Хаят-и-Афган», стр. 369.
[45] Там же.
[46] Там же.
[47] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 26.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

оставляли земли старым владельцам на правах хамсайя. Институт хамсайя был широко распространён среди патанских племён.

Для обозначения чужаков, находившихся вне племени и державших от этого племени землю на известных условиях, «Хаят-и-Афган» даёт нам термин «райет-и-хамсайя» [48] (хамсайя — подданный). «Газеттир Банну» сообщает, что ахмедзаи использовали как арендаторов хаттаков и другие афганские племена [49].

Райет-и-хамсайя противопоставляются Мухаммед Хаят-ханом свободным вазирам, превращённым в хамсайя. У тех же ахмедзаев были на правах хамсайя арендаторы утманзаи и масуды. «Кроме райет-и-хамсайя,— говорится в нашем источнике,— эти люди называют хамсайя также такого человека, который совершил в каком-нибудь другом месте преступление, бежал и нашёл убежище в каком-нибудь подразделении вазиров. Путь такого превращения в хамсайя следующий: зарезав овцу, беглец приглашает на угощение маликов или влиятельных лиц деревни, давшей ему убежище, и заявляет: я, такой-то, совершил такое-то преступление, и теперь я хамсайя. Люди, евшие его хлеб, каждый в отдельности или все вместе, сочтя его своим хамсайя, разделяют с ним его вину. Если этот беглец из их племени, то, насколько это возможно, они стараются уладить дело миром, согласно законам вазиров» [50].

Здесь сказывается экономическое неравенство различных хелей: член более слабого хеля, который не в состоянии был помочь ему в уплате цены крови и который не являлся достаточно могущественным, чтобы принудить спорящие стороны подчиниться решению джирги, должен был искать покровительства у хеля, экономически более сильного. В этот разряд хамсайя попадают также жители административных округов, преследуемые английским законом. «Кроме беглых преступников к другому виду хамсайя, согласно закону вазиров, относится тот человек, у которого кто-нибудь из его соплеменников взял что-либо в долг, или землю, или деньги, и не уплатил ему; или если кто-нибудь совершил преступление и не выполнил по требованию истца решение, вынесенное по законам вазиров. Тогда этот истец, согласно описанному выше обычаю, сделавшись хамсайя какого-нибудь могущественного человека или племени, с его помощью мстит» [51].

Хамсайя становятся также несостоятельные должники, должники по закладной, которым грозит лишение земли или имущества.

Институт хамсайя напоминает нам систему коммендации и вассальной зависимости. «И если жизни хамсайя или его имуществу будет нанесён вред, то это будет оскорблением тех, чьим хамсайя он является» [52]. Хель или какой-нибудь влиятельный вазир обязаны, таким образом, защищать жизнь и имущество хамсайя-вазира. Но в то же время положение вазира-хамсайя значительно ниже, чем положение свободного вазира. «Нанесение какого-либо вреда жизни хамсайя рассматривается как грабёж, и цена его указана выше» [53].

При переходе свободных вазиров в разряд хамсайя они передают своему патрону права не только на самого себя, но и на своё имущество [54].

Не все хамсайя-вазиры являются арендаторами, многие из них продолжают заниматься скотоводством, ремеслом, торговлей или же уходят на приработки.

---

[48] См. «Хаят-и-Афган», стр. 361—362.
[49] «Gazetteer of Bannu District 1883—1884», p. 89—90.
[50] «Хаят-и-Афган», стр. 361.
[51] Там же, стр. 362.
[52] Там же, стр. 369.
[53] Там же.
[54] См. там же, стр. 368. У афридиев для патрона хамсайя широко распространён местный патанский термин «наик» (буквально: покровитель). Aitchison. Указ. соч., стр. 512.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Институт хамсайя у вазиров несёт на себе отпечаток всей той двойственности, которой отличается их социально-экономический строй. Переход части свободных вазиров в разряд хамсайя свидетельствует о разложении первобытно-общинного строя, о складывании классового общества. Превращение в хамсайя несостоятельного должника, наличие сильных, богатых и влиятельных вазиров, под чью защиту выгодно встать разорившемуся вазиру, — всё это свидетельствует о наличии имущественной и классовой дифференциации. Но в то же время форма превращения свободного вазира в хамсайя тесно связана со всей их родоплеменной организацией.

Этот отпечаток носит на себе и вторая группа хамсайя [55]. Отсутствие специальных средств принуждения к выполнению решений джирги и малика, к исполнению закона вазиров при наличии известной имущественной дифференциации вынуждало истца обращаться за помощью к другому хелю, который имел достаточно сил, чтобы вынудить ответчика выполнить решение джирги. Иногда истец обращался за помощью к какому-нибудь могущественному вазиру в своём хеле. «Хамсайя,— довольно тонко подмечает Мухаммед Хаят-хан,— полезны для закона вазиров. Давление тех, к кому они отправляются, даёт истцу дополнительные средства принуждения к выполнению закона» [56].

Таким образом, превращение в хамсайя части свободных вазиров, свидетельствовавшее об ослаблении их родоплеменных связей, являлось в то же время своеобразным средством принуждения в рамках общинно-родового строя.

Судебная практика вазиров велась в соответствии с их обычным правом — законом Вазиринарх [57]. Анализ обычного права вазиров требует самостоятельного исследования. Мы остановимся на отдельных особенностях обычного права вазиров, характеризующих их общественный строй и уровень их социально-экономического развития.

Наряду с обычным правом у вазиров действовали также и законы шариата. Как и повсюду, шариат вытеснял обычное право прежде всего в вопросах, касавшихся частной собственности отдельных вазиров и хелей. Наследство умершего делилось между родственниками мужского пола в соответствии с законами шариата. В отношении женщин продолжало действовать обычное право [58].

Суд у вазиров вершила джирга специального созыва. В «Хаят-и-Афган» для такой джирги чаще всего употребляется термин «муарека». В джиргу входили обычно малик данного хеля или деревни и несколько членов хеля в качестве посредников. Посредников назначали либо сами спорящие стороны либо малик. Обе спорящие стороны должны были явиться на джиргу и дать показания. Однако если они не были удовлетворены составом джирги, они могли не дать ей полномочий для вынесения окончательного решения. В этом случае ахунд [59] разъяснял только положения шариата или обычного права, относящиеся к данному делу. Решения такой джирги не считались обязательными. В случае, если после получения полномочий от обеих спорящих сторон джирга выносила решение, не удовлетворявшее одну из сторон, эта сторона имела право требовать созыва джирги другого состава. Если решение второй джирги совпа-

[55] Ко второй группе хамсайя относятся те вазиры, которые одолжили своему соплеменнику землю, деньги или имущество и не имеют достаточно сил, чтобы вернуть их («Хаят-и-Афган», стр. 362).

[56] «Хаят-и-Афган», стр. 362.

[57] «Вазиринарх» в буквальном переводе «тарифы вазиров». Согласно преданиям вазиров, «Вазиринарх» был составлен в конце XVI — начале XVII века. Однако отдельные правила и обычаи этого закона были внесены в практику вазиров, повидимому, значительно позже («Хаят-и-Афган», стр. 355—356).

[58] «Хаят-и-Афган», стр. 366.

[59] Ахунд — почётное наименование, присваиваемое лицам, стяжавшим известность своим религиозным благочестием.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

дало с решением первой, оно считалось окончательным, в противном случае недовольная сторона могла отказаться от выполнения решения джирги, и дело между обеими сторонами решала сила.

Необходимо заметить, что в случае преднамеренного убийства какого-либо вазира и в случае оскорбления женщины редко имело место мирное урегулирование. Лоример утверждает даже, что если родственники убитого и соглашались на вознаграждение деньгами или товарами (за мужчину цена крови 1200 рупий, за женщину — 600 рупий), то это не означало, что они отказывались от мысли расправиться с убийцей или его ближайшими родственниками.

Однако замечания Лоримера о том, что виновные у вазиров не могли быть спокойны даже после мирного урегулирования спора и что им постоянно, несмотря на решение джирги, грозила расправа со стороны родственников пострадавшего, противоречат показаниям «Хаят-и-Афган» и других источников того времени. Большинство путешественников и политических деятелей признаёт, что междоусобиц у племени вазиров было значительно меньше, чем у других патанских племён (в частности, у юзуфзаев), да и сам Лоример вынужден признать, что вазиры весьма охотно поручали разбор всех своих дел, в том числе и об убийстве, джирге посредников и всегда верили в неукоснительное выполнение окончательных решений джирги [60].

Закон вазиров охранял собственность племени, хеля и отдельных их членов; джирга рассматривала дела о кражах, грабежах и наказывала виновных. Виновность того или иного вазира устанавливалась путём показаний свидетелей или клятвы истца, поднас вазиры испытывали виновного железом или водой — применяли так называемый «божий суд». Установив виновность, джирга обязывала вора вернуть украденное имущество или уплатить за него двойную цену. Кроме того вор обязан был заплатить пострадавшему штраф — нага [61]. Обычное право вазиров устанавливало также штраф различной величины за ограбление каравана вазиров, шедшего в горы Шаваль или Бирмаль или возвращавшегося оттуда, за повреждение фруктового сада, за поджог дома и т. д. [62].

После уплаты штрафа и возвращения украденного виновному выдавался барат [63]. В законе вазиров барат не обязательно означал письменный документ — это могло быть также и устное решение джирги относительно освобождения от наказания и от специальных сборов. Если ответчик отказывался подчиниться решению джирги, истец имел право перейти к зобла. «Зобла» — термин пушту, буквально: повреждение, ра-

[60] J. Lorimer. Указ. соч., стр. 335

[61] За кражу имущества устанавливался штраф: либо овца, либо 5 рупий и обещание дать табба. Термин «табба» имеет следующее значение: виновный обещает истцу первую дочь, которая у него родится в будущем. Если дочь родится, а потом умрёт, то права истца прекращаются; если же она совсем не родится, то обязательства переходят к сыну, который, однако, может уплатить за таббу 25 рупий. Если виновный не может обещать таббу, он также должен уплатить 25 рупий. (См. «Хаят-и-Афган», стр. 359.)

[62] За нападение на караван вазиров, кроме украденного имущества, виновный должен был отдать в виде штрафа 11 женщин, в том числе таббу, или сумму денег из расчёта: за молодую женщину — 33 рупии, за таббу — 25 рупий. В наказание за повреждение фруктового дерева налагался штраф в 100 рупий. Сто рупий штрафа взимались также за поджог жилища вазира. Если во время пожара погибал человек, то виновный должен был уже нести ответственность согласно закону об убийстве. («Хаят-и-Афган», стр. 359—360).

[63] Термин «барат» — персидского происхождения, буквально: грамота. При сефевидах в Иране баратом называли грамоту (или точнее — казначейскую ассигновку) на право получения денег или продуктов в счёт местных налогов. В Индии и Афганистане баратом называют грамоту, освобождающую лицо, которому она выдана, от наказания или от взимания различных специальных сборов. В этом же значении термин «барат» встречается в договорах, заключённых англичанами с пограничными племенами.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

нение, — означает право истца нанести вред имуществу ответчика или его хамсайя [64].

Здесь мы имеем ещё одно подтверждение того факта, что можно было стать хамсайя не только хеля, но и отдельного лица. Так как верховная власть над имуществом хамсайя принадлежала его патрону, то было безразлично, будет ли нанесён ущерб имуществу самого ответчика или его хамсайя. Однако при кровной мести нельзя было убить хамсайя за свободного вазира, так как хамсайя стоял ниже полноправного члена племени.

Характерно, что неуплата денежного или какого-либо другого долга рассматривалась джиргой наравне с делами о неуплате цены крови. Дело о долге (как денежном, так и об уплате цены крови) решалось на джирге с привлечением свидетелей. Если же свидетелей не было, то достаточным доказательством считалась клятва истца. В отдельных случаях истец имел право заставить поклясться ответчика на коране. После подтверждения виновности ответчика пострадавший, которому должна была быть уплачена цена крови за убийство, или родственники убитого, которым надлежало получить денежную компенсацию, или заимодавец, одолживший что-либо своему соплеменнику и не получивший одолженного, имели право перейти к шуца [65].

«Шуца» — вазирский термин, буквально — захваченное силой, означает захват силой или путём воровства скота или другого движимого имущества ответчика. Совершение кражи в осуществлении шуца не считается преступлением. Когда должник отдавал причитавшуюся с него сумму, украденное имущество, по закону вазиров, должно было быть возвращено ему [66].

«Зобла» и «шуца» — два термина для обозначения права пострадавшего на самостоятельное приведение в исполнение приговора. Это возможно лишь в обществе, где имеются только зачатки исполнительной власти и очень слаб аппарат принуждения.

Ограбление ответчика истцом без соответствующего решения джирги рассматривалось как нарушение судебной практики вазиров, и истец в свою очередь мог быть привлечён джиргой к ответственности за воровство.

Для созыва джирги посредников достаточно было заявления истца. Но состав такой джирги определялся с согласия обеих сторон. В случае если обе стороны не могли придти к согласованному решению относительно состава джирги и назначенная маликом джирга не удовлетворяла одну из сторон, решение этой джирги не было обязательным.

Таким образом, и здесь мы видим проявление противоречивости социально-экономического и общественного строя вазиров. С одной стороны, мы имеем тенденцию к выделению специального судебного органа — джирги особого созыва, тенденцию к закреплению судебных функций за ахундами и маликами; с другой стороны, мы видим, что эта джирга ещё полностью подчинена хелю и отдельным его членам, что решения её являются обязательными только с согласия обеих сторон, а мнение малика или ахунда рассматривается в большинстве случаев лишь как разъяснение, а не как обязательное решение. В то же время характерно, что на вынесение джиргой того или иного решения в значительной мере влияло имущественное положение спорящих. «Когда одна из спорящих сторон отказывается от дачи угощения и от расходов на джиргу, то в отношении её часто издаётся такая фетва [67], что она в этом деле оказывается виновной... Угощение же обходится обеим сторонам очень дорого. Иногда эти

[64] «Хаят-и-Афган», стр. 359.
[65] Там же, стр. 364.
[66] Там же.
[67] Фетва — определение (или указание) высших мусульманских богословов, имеющее силу закона и обязательное для исполнения верующих.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

расходы достигают двух—трёх сотен рупий. Кроме посредников, все вазиры, услыхав о джирге, толпами приходят на угощение... и в угощении никому не может быть отказано» [68].

В тех случаях, когда джирга посредников не могла придти к согласованному решению, за разъяснением обращались к стыр-вазирам. Решение последних считалось окончательным.

Деление вазиров на стыр-вазиров (больших вазиров) и кам-вазиров (малых вазиров) являлось, повидимому, вначале не чем иным, как делением на отцовские и сыновние хели. Подобного же рода деление племён отмечал Энгельс у ирокезов. «Вечный союз пяти кровнородственных племён... — так характеризовал Энгельс организацию ирокезов. — Это кровное родство составляло подлинную основу союза. Из пяти племён три назывались отцовскими и были между собой братьями; два других назывались сыновними племенами и также были братскими племенами между собой. Три рода — старшие — были ещё представлены живыми членами во всех пяти племенах, три других рода — в трёх племенах; члены каждого из этих родов считались все братьями во всех пяти племенах» [69].

Впоследствии деление вазиров на больших и малых утратило своё первоначальное значение. Наш источник сообщает нам о трёх хелях стыр-вазиров: мадди-хель, тори-хель и пейпл-кабул-хель. Мухаммед Хаят-хан приводит в объяснение почётного положения этих хелей данные о том, что по традиции вазиров они являлись основателями закона вазиров. Хели стыр-вазиров называются в «Хаят-и-Афган» тремя дудманами [70], т. е. знатными семьями.

В каждом хеле вазиров и в каждой деревне был свой ахунд или мулла. Ахунды и муллы имели, как уже указывалось, известные права при разборе споров вазиров на джирге посредников. Ахундам, в частности, принадлежало право выносить решения и наказывать виновного в том случае, если у пострадавшего не было ближайших родственников.

В условиях огромной экономической и политической раздробленности афганских племён проповеди афганских мулл о единстве всех мусульман воспринимались вазирами как призыв к объединённому сопротивлению кафирам-англичанам. Во второй половине XIX в. духовенство вазиров ещё не успело окончательно превратиться в сословие феодального типа, и этим объясняется, видимо, значительная роль некоторых мулл в борьбе вазиров против английских империалистических захватчиков. Пропаганде против неверных — англичан — обязан своим влиянием среди вазиров в конце XIX и начале XX в. мулла Повинда.

Антианглийской пропагандой и организацией активной борьбы за независимость вазиров объясняется в настоящее время популярность факира Ипи.

В то же время, уже в конце XIX в., имели место факты, когда муллы выступали предателями освободительного движения вазиров. Уже тогда англо-индийскому правительству удавалось в отдельных случаях использовать пограничное духовенство для раскола антиимпериалистического движения племён.

Одним из слабых мест этого движения в настоящее время является наличие в руководстве его представителей духовенства. Последние, естественно, поддерживают связь не с пролетарскими и полупролетарскими элементами Северо-Западной пограничной провинции, а с буржуазно-помещичьей патанской верхушкой Северной Индии и правительственными кругами Кабула.

---

[68] «Хаят-и-Афган», стр. 367.

[69] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 96—97.

[70] Термин «дудман» — буквально дым, очаг. В Индии и Афганистане он встречается в значении знатной семьи и правящей династии («Хаят-и-Афган», стр. 369).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Во главе каждой ветви вазиров стояли великие малики, избиравшиеся на собрании маликов всех хелей данной ветви. У ахмедзаев и утманзаев было два великих малика: по одному от каждой ветви. У масудов были свои великие малики. Власть великих маликов была ограничена собранием маликов хелей — джиргой маликов («джирга-и-маликан»). Если в мелких подразделениях мы имели собрание всех членов хеля — «ахле-джирга», — то во главе племени стояла джирга маликов — «джирга-и-маликан».

Великие малики вели переговоры с противником, по предложению великих маликов джирга маликов согласовывала со всеми хелями решение об объявлении войны и заключении мира. Великие малики улаживали на джирге маликов споры между отдельными хелями. Обычно по предложению великих маликов назначались на джирге маликов старшие эмиры.

Собрание маликов вместо собрания всех членов племени — переходная ступень к превращению джирги вазиров в совет племенной верхушки.

В «Хаят-и-Афган» указывается, что самыми богатыми и влиятельными лицами у вазиров дарвеш-хеля были их два великих малика: Наджиб-хан, сын Сохан-хана, — у ахмедзаев и Адам-хан — у утманзаев. Весьма характерно, что Наджиб-хан пользовался большим весом и среди вазиров полосы независимых племён и среди вазиров округа Банну и обладал земельной собственностью по обе стороны административной границы. Наджиб-хан был сыном Сохан-хана, который в своё время также был великим маликом и как таковой вёл непосредственные переговоры с майором Эдвардсоном [71]. Это не единственный пример передачи власти малика по наследству.

Таким образом, на практике должность великого малика в конце XIX в. была большей частью наследственной.

Справочник Банну приводит нам данные ещё об одном крупном малике, известном как в административных округах Северо-Западной пограничной провинции, так и в зоне племён. Экономической основой для возвышения малика Азима послужило освоение новых земель. В 1850 г. Азим-хан получил от майора Тейлора санад — грамоту, дававшую ему право поселиться на британской территории. Сын его Назам-хан являлся в 70—80-х годах XIX в. одним из самых богатых вазиров и крупным землевладельцем округа Банну: он владел 3518 акрами земли, из которых 3192 акра обрабатывались [72].

Великие малики, принадлежавшие к родовой знати вазиров, были большей частью самыми богатыми членами племени и представляли самые могущественные хели. Малики более мелких подразделений и деревень, как мы уже указывали, также обладали известным, а подчас и вполне приличным достатком [73].

«Новая аристократия богатства окончательно оттесняла на задний план старую родовую знать (в Афинах, в Риме, у германцев), если только она с самого начала не совпадала с последней» [74]. У вазиров мы имеем именно этот, предусматриваемый Энгельсом случай: аристократия богатства с самого начала совпадала с родовой знатью.

«Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функци-

---

[71] См. «Gazetteer of Bannu District 1883—1884», p. 124, и «Хаят-и-Афган», стр. 373.

[72] См. «Gazetteer of Bannu District 1883—1884», p. 124.

[73] Малик Азим-хан был одним из маликов хелей, его сын Назан-хан был маликом деревни. Там же, стр. 123—124.

[74] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 173.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ями народной жизни»[75]. Общественный строй вазиров второй половины XIX в. очень напоминал военную демократию, описанную Энгельсом.

Из всех трёх ветвей вазиров больше всего пережитки общинно-родового строя сохранились у масудов. Здесь всего слабее была классовая и имущественная дифференциация, меньше прав было у маликов хелей, слабее была власть великих маликов. Масуды непосредственно не были связаны с двумя другими ветвями вазиров. У вазиров дарвешхеля полосы пограничных племён в конце XIX в. происходило уже значительное имущественное и классовое расслоение, однако в силу особенностей социально-экономического и общественного строя вазиров в Вазиристане в конце XIX в. ещё не сложилось феодальное общество, и по сегодняшний день не произошло ещё окончательной смены существовавшей в конце XIX в. общественной организации вазиров.

У вазиров административных округов Северо-Западной пограничной провинции уже в конце XIX в. наблюдалось большее по сравнению с пограничной полосой разложение родоплеменных отношений и складывание классового общества. На верхней ступени этого общества — вышедшие из прежней родовой знати феодалы, малики и другие должностные лица деревень и хелей и отчасти муллы и ахунды; на следующей ступени — вазиры, полноправные члены хелей; ниже — вазиры-вассалы, хамсайя, лишившиеся своих наделов, либо арендующие землю у своих соплеменников, либо занимающиеся скотоводством или торговлей и имеющие известные обязательства в отношении своих патронов, наконец, арендаторы-чужаки — райет-и-хамсайя,— причём мы наблюдаем, как завершается начавшееся ещё во второй половине XIX в. слияние арендаторов-чужаков с арендаторами-вазирами. Однако и здесь наблюдается сохранение отдельных форм общинно-родового строя. Вазир Банну продолжал называть себя вазиром и обязательно указывал ветвь и хель, к которым он принадлежал. Сохранялась известная связь, даже политическая, между вазирами административных округов Северо-Западной пограничной провинции и вазирами полосы независимых афганских племён.

Отсталость социально-экономического строя вазиров обрекла на неудачу попытку Абдуррахман-хана в 90-х годах XIX в. объединить афганцев пограничной полосы в составе единого афганского государства. Эта отсталость была одной из причин, препятствовавших объединению в единый поток антианглийского движения племён и антиимпериалистического и антифеодального движения патанов административных округов Северной Индии в 1930 г.; она позволяет в настоящее время правительствам Афганистана и Пакистана использовать в отдельных случаях антианглийское движение племён в своих реакционных целях (участие вазиров и афридиев в недавней индо-пакистанской борьбе за Кашмир). Но в то же время сохранение ряда форм первобытно-общинной организации, воспроизводство родоплеменных отношений, обусловливающее жизненность этого строя, и подчинение всей организации вазиров нуждам войны — всё это объясняет нам единство и стойкость племени вазиров и активные методы их борьбы, которые отмечали в конце XIX в. и Мухаммед Хаят-хан, и европейские путешественники, и английские политические деятели. Боевое по своей форме движение вазиров всегда носило на себе отпечаток особенностей их экономического развития и общественного строя.

До тех пор, пока в антиимпериалистическом движении патанов главную роль играла антианглийская борьба пограничных племён (до 1919 г.), вазиры были её основным ударным отрядом. С переходом же национально-освободительного движения патанов на новую, более высо-

[75] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 169.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ную ступень, борьба вазиров, несмотря на свой попрежнему боевой характер, стала представлять более отсталую форму движения, чем антиимпериалистическое и антифеодальное движение крестьян административных районов Северо-Западной пограничной провинции.

Чем больше углубляется имущественное и классовое расслоение внутри племени вазиров, чем больше ослабевает связь между соплеменниками внутри хеля и между отдельными хелями, тем менее активной и организованной становится борьба вазиров как отдельного племени, но тем больше усиливается связь рядовых членов племени с крестьянскими, полупролетарскими и пролетарскими массами Северо-Западной пограничной провинции и тем больший размах приобретает антиимпериалистическая национально-освободительная борьба всех афганцев Индии в целом.

Это прекрасно понимали английские империалисты, которые, используя имущественное и классовое расслоение вазиров и других афганских племён и их экономические связи с Северной Индией, в то же время стремились сохранить самые отсталые институты первобытно-общинной организации, законсервировать обособленность отдельных хелей и племён.

★

Анализ социально-экономического и общественного строя патанских племён конца XIX в. свидетельствует о резком различии как в уровне развития отдельных племён, так и жителей горных и равнинных областей. Уровень социально-экономического развития и политический строй афридиев напоминает нам организацию племени вазиров. Юсуфзаи в конце XIX в. стояли на более высоком уровне развития, чем вазиры и афридии, однако и у них имелись ещё пережитки общинно-родового строя.

У мухаммедзаев, момандов долины, утманхелей, халилов, даудзаев, хаттаков и баннуджей административных округов Северо-Западной пограничной провинции уже на рубеже XVIII—XIX вв. в основном завершилось складывание классового феодального общества.

Попытки Абдуррахман-хана объединить пограничных патанов Индии с афганцами Афганистана в составе единого государства и объединённое антианглийское восстание племён в 1895—1897 гг. положили начало национально-освободительной борьбе афганцев Индии, прошедшей после 1897 г. несколько этапов [76].

До 1919 г. национально-освободительное движение патанов ориентировалось на Афганистан. Во время войны Афганистана за независимость развернулось величайшее по силе и размаху выступление патанских племён на стороне Афганистана. Восстание вазиров отличалось наибольшим упорством, организованностью и длительностью. Жители административных округов Северо-Западной пограничной провинции до 1919 г. открытых восстаний не поднимали, хотя известная связь между ними и жителями полосы независимых племён существовала на всех этапах национально-освободительного движения патанов.

События на границе в 1930 г. и движение краснорубашечников свидетельствовали о качественно новом этапе национально-освободительной борьбы афганцев Индии. До сих пор пограничные афганские племена видели в Афганистане естественного защитника против англичан, но реакционный характер режима, установившегося в Кабуле с

[76] Ясно, что в конце XIX в. афганцы Индии ещё не представляли нации. Однако их освободительная борьба против англичан в 90-х годах XIX в. была связана с зарождением афганского феодально-монархического национализма и, таким образом, носила уже национальный отпечаток. Эта борьба, в свою очередь, сыграла существенную роль в процессе дальнейшей национальной консолидации афганцев. В этом заключалось отличие выступлений афганских племён конца XIX в. от более раннего этапа их борьбы с англичанами.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

конца 1929 г., и политика Надир-шаха, выступившего союзником англичан в деле подавления национально-освободительного движения патанов Индии, оттолкнули от Афганистана пограничные патанские племена.

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции и изменения, происшедшие в экономическом развитии афганцев Индии после 1919 г., привели к тому, что развернулось национально-освободительное движение афганцев административных округов — движение, по сути, аграрно-крестьянское.

Движение 1930—1934 гг. в Северо-Западной пограничной провинции было массовым, антифеодальным и антиимпериалистическим революционным движением. В 1930—1934 гг. Северо-Западная пограничная провинция представляла один из самых крупных очагов антиимпериалистической освободительной борьбы народов Индии. Именно в это время началась борьбы между пролетарскими и полупролетарскими, революционными организациями с одной стороны и буржуазно-помещичьими реформистскими организациями с другой стороны за руководство национально-освободительным движением афганцев.

В 1930—1934 гг. борьба шла между отделением партии Кирти-Кисан в Северо-Западной пограничной провинции и провинциальной организацией Всеиндийского национального конгресса. Партия Кирти-Кисан представляла пролетарские и полупролетарские слои городов и сёл Северо-Западной пограничной провинции. В полосе пограничных племён она стремилась распространить своё влияние через межплеменные организации, главным образом организации патанской молодёжи. В пограничной зоне Кирти-Кисан приходилось бороться с руководством мулл и маликов, поддерживавших связь с провинциальной организацией конгресса и стремившихся ограничить размах антиимпериалистического движения племён. Организация Кирти-Кисан в Северо-Западной пограничной провинции и в Пенджабе была близка к коммунистическим организациям Индии, многие из её членов вошли впоследствии в состав Индийской коммунистической партии.

Значительный размах движения и его массовый характер (восстание в Пешавере в апреле — мае 1930 г., восстания в Кохате и т. п.) заставили маневрировать буржуазно-помещичью организацию конгресса, которая, стремясь сохранить своё влияние в патанских массах, вынуждена была прибегать к революционной фразе. Программа и лозунги отделения конгресса в Северо-Западной пограничной провинции шли гораздо дальше резолюции Всеиндийской организации конгресса.

Слабость пролетарской прослойки в Северо-Западной пограничной провинции и неустойчивость полупролетарских и крестьянских масс патанской деревни привели к тому, что руководство движением осталось буржуазно-помещичьим, гандистским, реформистским, что неизбежно должно было привести и привело к разгрому движения. В результате жестокой расправы англо-индийского правительства с крестьянским движением, а также в результате предательской позиции руководства Всеиндийского национального конгресса организация краснорубашечников начала терять свой массовый характер, и движению в административных округах Северо-Западной пограничной провинции был придан характер борьбы за конституционные права.

Происходившие в 1930—1934 гг. восстания афганских племён вдоль всей северо-западной границы и связь этого движения с движением краснорубашечников свидетельствовали о наметившейся тенденции к слиянию двух потоков национально-освободительного движения афганцев Индии. Но сохранение руководства антиимпериалистическим движением племён в руках мулл и маликов и особенности социально-экономического и политического строя вазиров и афридиев, с одной стороны, слабость

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Кирти-Кисан и гандистское руководство краснорубашечников и их лидера Абдул Гафар-хана,— с другой, препятствовали объединению в единый поток антифеодального и антиимпериалистического движения афганцев административных округов и пограничных племён.

Активные антианглийские выступления афганцев полосы пограничных племён не прекращались. Главным очагом антиимпериалистической борьбы пограничных патанских племён после 1934 г. явилось движение в Вазиристане. Священная война, объявленная вазирами англичанам в 1936 г., продолжалась вплоть до образования в Индии двух доминионов. Но руководство антиимпериалистическим движением племён оставалось в руках пограничного духовенства (факир Ипи) и маликов различных мелких подразделений и хелей. Малики более крупных подразделений и ветвей вазиров уже в силу их имущественного положения выступали на стороне англичан, стремившихся с их помощью ослабить и расколоть движение. Хотя вазиры и стремились установить связь с другими патанскими племенами и жителями административных округов, хотя выступления против англичан и сопровождались выступлениями против своей господствующей верхушки, движение вазиров ещё не слилось с антифеодальным и антиимпериалистическим движением в административных округах северо-западной границы Индии.

Вторая мировая война и победа Советского Союза над фашистской Германией оказали огромное влияние на национально-освободительное движение народов Индии. С разделением на два доминиона в Индии наступил новый этап национально-освободительного движения. Этот этап характеризуют следующие особенности: усиление роли рабочего класса как руководителя антиимпериалистического и антифеодального национально-освободительного движения народов Индии и превращение коммунистической партии в подлинно массовую организацию; рост массового крестьянского движения, перерастающего в аграрную революцию (Теленгана), сговор с английским и американским империализмом не только индийских помещиков и князей, но и крупной индийской буржуазии и образование в Индии и Пакистане реакционного блока крупной буржуазии, помещиков и князей.

Коренные перемены, происшедшие в расстановке классовых сил в Индийском союзе и Пакистане, отразились и на движении патанов, вступившем в новую фазу.

Референдум, решивший судьбу патанов и определивший их включение в Пакистан, не отражал их настроений. Вопрос об образовании самостоятельного патанского государства не был поставлен на голосование, и больше половины афганцев Индии бойкотировали референдум. Лозунг независимого патанского государства — Патанистана — популярен в настоящее время как в зоне племён, так и в административных округах Северо-Западной пограничной провинции. Буржуазно-помещичья патанская верхушка [77] и на этом этапе стремится возглавить движение патанов в административных округах и в зоне племён с тем, чтобы ограничить размах этого движения и использовать его в своих интересах.

Следует также учесть, что на данном этапе национально-освободительного движения народов Индии революционные возможности буржуазных и мелкобуржуазных элементов отдельных наций и народностей Индии ещё полностью не исчерпаны.

Настроение патанов отразила общая джирга всех афганцев Индии, происходившая в Банну накануне референдума. Джиргу возглавляла вышедшая к этому времени из состава Всеиндийского национального конгресса организация краснорубашечников. Афганцы Северо-Западной

[77] За исключением части крупных помещиков, которые поддерживали Мусульманскую лигу и продолжают поддерживать правительство Пакистана.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

пограничной провинции были представлены рядом организаций, отражавших их классовое расслоение: «Хакесаран», «Молодой пуштун», «Джамиет уль-улема». На джирге в Банну присутствовали также представители различных пограничных патанских племён. На джирге был принят «Манифест о свободе афганцев».

Несмотря на то, что войска Пакистана после объявления итогов референдума наводнили территорию племён, несмотря на то, что форты и аэродромы, оставшиеся в руках англичан, попрежнему используются для подавления движения племён, борьба патанов Индии не прекращается. Манифест свободных афганцев, а также многочисленные листовки, призывающие «создавать Патанистан во имя нации» и указывающие, что «свободный пуштун не может смириться с неволей доминиона»[78], свидетельствуют о росте национального самосознания афганцев. Между революционным и реформистским крылом продолжается борьба за руководство движением патанов. В административных округах Северо-Западной пограничной провинции создана крестьянская организация Кисан-джирга.

Борьба за крестьянские массы, за рядовых членов племён пограничной полосы осложняется происками английских и американских империалистов и стремлением афганского шаха использовать в своих династических интересах национальные связи между афганцами Афганистана и Индии. Многочисленные джирги патанских племён, отправляющиеся в Афганистан, свидетельствуют о том, что племена всё ещё рассчитывают на помощь афганского правительства в своей борьбе за создание патанского государства.

Американские империалисты, в свою очередь, непрочь использовать стремление патанов к созданию самостоятельного государства — Патанистана,— для того, чтобы ослабить позиции Англии в Индии.

Испуганное размахом, который приняло движение пограничных племён, а также под давлением правящих кругов Афганистана и под влиянием происков американских империалистов правительство Пакистана обещает патанам пограничной племенной зоны самоуправление в рамках Пакистана и даёт понять патанской верхушке, что при известных условиях может быть пересмотрен и вопрос о Патанистане. В последних сообщениях индийской и афганской прессы указывалось даже, что создание Патанистана может стать делом недалёкого будущего.

Само по себе образование патанского государства не будет означать победы антиимпериалистического, национально-освободительного движения афганцев Индии. В настоящее время подлинно независимое национальное государство может быть создано только демократическим путём в результате победы революционного блока рабочих, крестьян, прогрессивной интеллигенции, мелкой (а в отдельных случаях и средней) национальной буржуазии под руководством коммунистической партии. Исход борьбы за руководство движением всех афганцев Индии определит и результаты этого движения.

[78] Журнал «Кабул» № 213 за 1948 год.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ